ТИПОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИЙ ВЛАСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 316 (075)

Р.И. ЗЕКРИСТ

За две с половиной тысячи лет существования философии было разработано множество концепций власти или хотя бы высказано суждений о ней. Конечно, бóльшая их часть приходится на XX и наступивший XXI век. Но это не меняет сути дела. У некоторых из них больше сходств, чем отличий, другие же по всем основным параметрам принципиально несовместимы. И в целом большинство этих концепций плохо согласуются между собой. Такой разнобой можно объяснить не только тем, что существуют различные виды власти, но и сложным характером феномена власти как такового. Гегель писал: «Чем богаче подлежащий определению предмет, т.е. чем больше различных сторон он предоставляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции. Так, например, существует масса дефиниций жизни, государства и т.д.» [3, с. 413]. На этом основании и существует масса дефиниций феномена власти. Но, разумеется, дело не в самих по себе дефинициях. Об их значимости в своё время хорошо высказался Ф. Энгельс. Предлагая дефиницию жизни, он отметил: «Наша дефиниция жизни, разумеется, весьма недостаточна, поскольку она далека от того, чтобы охватить все явления жизни, а, напротив, ограничивается самыми общими и самыми простыми среди них. Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность. Чтобы получить действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы её проявления, от сáмой низшей до наивысшей. Но для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков» [11, с. 84]. И ещё: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самогó существа дела, а это уже не есть дефиниция» [12, с. 634–635]. А развитие (под которым в данном случае имеется теоретическое воспроизведение предмета во всей его целостности) возможно, по Гегелю, лишь изобретённым им методом восхождения от абстрактного к конкретному. Того же взгляда придерживались К. Маркс и Ф. Энгельс. Но без обращения к дефинициям, как следует из первой приведённой цитаты из «Анти-Дюринга», обойтись не придётся.

Для выработки (или хотя бы попытки выработки) более или менее общезначимой концепции власти, которая особенно необходима в нынешнем бурном времени, необходимо детальное знакомство если и не со всеми, то с основными концепциями власти, выработанными в прошлом и настоящем. А поскольку их множество, то их анализ по необходимости должен быть критическим. Как отметил в своё время Г. С. Батищев, критика – «это лишь особая форма разработки теории» [1, с. 92]. Но каким образом эффективно критически проанализировать основной конгломерат концепций власти? И речь вовсе не идёт об объёме исследовательского материала. Речь идёт о наибольшей эффективности данного анализа. Обратимся сначала к уже имеющимся подходам. При этом автор не претендует на полное отражение современного состояния исследований типологий власти, например, неинституциональные (экзистенциальные, феноменологические, семиотические и др.) трактовки власти и терминологически ограничивается рамками диалектико-материалистического подхода.

Самый простой способ – поочередный анализ концепций власти. Так поступила, к примеру, казахстанская исследовательница феномена власти А.М. Елеманова [5, с. 148]. Первую главу своей кандидатской диссертации она обозначила как «Генезис понятия власти в истории философии». Глава состоит из трёх параграфов. Первый посвящён греческой античности (причём А.М. Елеманова ограничилась анализом философии Платона), второй – Новому времени (анализируются, главным образом теории Т. Гоббса и Дж. Локка), третий – современной западной философии. Такой подход чреват неполнотой, и эта неполнота присутствует в данной главе. Так, сведéние древнегреческой филосо-

фии к философии Платона (первый параграф) и игнорирование даже учения Аристотеля – это недопустимая акция. То же и во втором параграфе: в нём не рассматриваются даже концепции власти в классической немецкой философии и в философии К. Маркса и Ф. Энгельса. Что же касается третьего параграфа, то в нём, кроме имён, практически не представлено никакого анализа.

Этот подход был бы правомерен в том случае, если бы концепций власти насчитывалось не больше десятка. Но их неизмеримо больше. Следовательно, данный подход наименее продуктивен. Ведь мы так никогда не исчерпаем существующие концепции. И когда мы будем полагать, что рассмотрели последнюю, могут появиться несколько новых. Кроме того, такой подход чреват субъективизмом: исследователь произвольно выбирает и анализирует концепции. К тому же такой анализ в данном случае не даст положительного результата. Мы можем легко погрязнуть в нюансах той или иной концепции.

Но подобным методом пользуются не только диссертанты, но и авторы монографий. Примером может служить монография П. А. Сапронова «Власть как метафизическая и историческая реальность» [9, с. 815]. Часть вторая (всего их семь) этой книги посвящена анализу концепций власти в истории философии и названа: «Тема власти в античной и новоевропейской философии». В ней он обращается к учениям Платона, Аристотеля, стоиков (это – вся Античность), представителей классической немецкой философии (за исключением Ф.В.Й. Шеллинга), Ф. Ницше и М. Хайдеггера (это, можно сказать, новейшее время). Почему его выбор пал именно на этих философов, П.А. Сапронов не разъясняет ни во введении, ни во второй части. Она просто начинается так, как будто до этого что-то было сказано о необходимости такого именно начала. Вот данное начало: «Применительно к античной философии в целом, и Платон здесь не исключение, сразу же должно быть отмечено то обстоятельство, что в ней власть не имеет чисто метафизического измерения» [7, с. 46]. Такая связь между главами этой историко-философской части не уместна даже в курсе лекций, не то что в солидной монографии.

В 2002 г. увидела свет монография В.Ф. Халипова «Кратология – наука о власти. Концепция» [8, с. 367]. В обращении к читателю её автор пишет: «Представленная читателю концепция науки о власти… символизирует появление давно назревшей и вместе с тем фактически новой, фундаментальной, единой, целостной науки, нового ведущего научного направления, их окончательное оформление» [8, с. 3]. И завершает он своё обращение следующими словами: «Наша книга-концепция уже скоро понесёт за рубеж доброе имя о российской науке и её прорыве в оформлении и развитии необходимой человечеству подлинной науки – кратологии как условия совместного осмысленного, восходящего развития человеческой цивилизации» [8, с. 5]. Процитированное свидетельствует о том, что скромности данному автору не занимать.

Монография состоит из двух частей, части состоят из разделов, а разделы – из тем (во второй части разделы на темы не подразделяются), а темы делятся на параграфы (однако само слово «параграф» не употребляется). Второй раздел первой части обозначен «Возникновение и развитие научных знаний и учений о власти» (включает 13 тем). Раскрытию тем В.Ф. Халипов предпосылает следующие слова: «Глубокое, всестороннее современное осознание и понимание кратологии возможно только на базе обстоятельного изучения истории и судеб власти, её типов и видов, а также изучения и осмысления взглядов на власть, истории знаний о власти, доктрин и учений мыслителей, начиная с глубокой древности» [8, с. 34]. Слова, бесспорно, правильные. Только вот насколько автор следует им? Ведь весь раздел занимает неполных 13 страниц (34–45). Как можно не то что глубоко осмыслить кратологические учения, но хотя бы сколько-нибудь полно их изложить? Приведём для примера содержание темы 6, названной «Властные учения эпохи Возрождения»:

1. Выдвижение в центр общественной мысли идей властвования и государства

Противопоставление политики богословию. Отделение политики от морали. Проблема суверенности государственной власти.

2. Философия власти и государство Н. Макиавелли

Учение о государстве. «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Идеи власти эпохи Реформации. Воззрения Т. Мюнцера – вождя и идеолога народной крестьянской власти и войны в Германии. Властные взгляды Ла Боэси, предвосхитившего многие лозунги Великой французской буржуазной революции (XVII в.).

3. Зарождение теории государственного суверенитета

Идеи власти в учениях эпохи Возрождения [8, с. 36–37]. Такое ни при каких условиях нельзя считать раскрытием темы. Вся эта монография напоминает программу курса «кратологии». Ведь здесь нет никакого анализа учений. Формально В.Ф. Халипов применяет исторический подход, как и А.М. Елеманова и П.А. Сапронов. Но у тех хоть имеется анализ (у П.А. Сапронова, надо сказать, довольно содержательный).

Если теперь отвлечься от монографии В.Ф. Халипова, то можно отметить, что исторический метод как таковой обладает определёнными достоинствами. Он позволяет проследить, как и кем ставилась и решалась проблема власти, какие существовали согласия и несогласия между современниками и последователями, на какие особенности феномена власти в какие периоды обращалось больше внимания, а на какие меньше, что получало дальнейшее развитие, а что отвергалось как неистинное, и т.д. Исторический подход позволяет включить в себя сопоставительный, сравнительный метод, что может придать ему бóльшую основательность. Проблема исторического метода – это в первую очередь проблема полноты охвата исследуемого материала. На примере А.М. Елемановой и П.А. Сапронова мы видим, что их анализ как раз страдает неполнотой.

Но, как известно, исторический подход историческому подходу рознь. Он может быть диалектическим (то есть когда имеет место диалектика исторического и логического), а может быть и эмпирически-хронологическим. Именно этот последний «метод» применён в претендующей на многое монографии В.Ф. Халипова. Это – тупиковый метод. Действительный исторический метод осуществляется в единстве с логическим методом. Ф. Энгельс отмечал, что «этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобождённым от исторической формы и от мешающих случайностей» [13, с. 497]. Этот метод в диалектической традиции именуется конкретным историзмом и противопоставляется недиалектическому абстрактному историзму, который как раз и присутствует в работах А.М. Елемановой и П.А. Сапронова. Конкретный историзм освобождает исследование от всевозможных случайностей, зигзагов, попятных движений эволюционирующего предмета (в данном случае эволюции учений о власти) и тем самым выявляет линию необходимости. Применение данного метода позволяет изобразить предмет более конкретно (конкретно – не в формально-логическом, но в диалектико-логическом смысле), со всеми необходимыми (а не случайными) нюансами и этапами развития. Такой подход исключает субъективный произвол исследователя, его предвзятость, его предпочтения, симпатии и антипатии относительно тех или иных концепций, персоналий или точек зрения.

Возникает вопрос: можно ли в настоящем исследовании применить сопоставительный или же исторический методы? Что касается первого, то мы отметили, что он может и должен быть включён и в полноценный исторический метод. А это значит, что он может и должен входить в состав любого другого метода, альтернативного ему, если он взят не изолированно от них. Ведь применение его в таком случае не гарантировано от проявления субъективизма, предвзятости и т.п. Исходя из сказанного, мы не можем в нашей работе использовать сравнительный метод в чистом виде, т.е. не включённым в другой метод, например, в исторический. Но и исторический метод не может быть полноценно применён в исследовании. Следовательно, необходимо искать иной метод.

Таким методом, по нашему мнению, может быть типологический метод, или типологический подход. В чём его преимущества перед вышерассмотренными применительно к задачам настоящей главы? Для некоторых авторов «типология», «типологический метод» и «типологический подход» – синонимы. Так, известный философ А.П. Огурцов пишет: «Типология – это 1) метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью типа, т.е. обобщённой, идеализированной модели. […]; 2) результат типологического описания и сопоставления» [7, с. 70]. В. И. Плотников различает понятия «типологический подход», «типологизация», «типология», «типологический метод» и «типизация». Для него типологический подход – это общий феномен, а остальные – его аспекты. Приведём его определения. Типологический подход – это «совокупность методологических процедур и соответствующих им мыслительных форм, ориентированных на понимание сложных явлений в их структурной самодостаточности, в их становлении и обособлении по отношению к гетерогенной среде» [7, с. 930]. Типологизация, согласно цитируемому автору, «представляет собой

логико-методологическую процедуру поиска и обнаружения того минимума существенных признаков, без которых исследуемое сложное явление не способно ни существовать, ни множиться» [7, с. 931]. Типологию, отмечает автор, часто отождествляют с типологизацией. Между тем, считает он, между ними есть различие. Он пишет: «Понимание специфически-содержательного смысла, скрывающегося за термином "типология", достигается в контексте отношения "цель – средство – результат": типология есть результат типологизации, взятый вместе с процессом, ведущим к нему» [7, с. 932]. Типологический метод, отмечает В. И. Плотников, есть особая форма осмысления и реализации типологического подхода, которая «отличается тремя исключительно важными чертами: генерализующим принципом, алгоритмичностью и направленностью» [7, с. 934]. Наконец, типизация «является, с одной стороны, концептуальным завершением типологического подхода, а с другой – началом практической реконструкции реального мира» [19, с. 934].

Нетрудно заметить, что и А.П. Огурцов, и В.И. Плотников подразумевают исследование реальных объектов, а не учений, как в нашем случае. Поэтому далеко не всё из содержащегося в их рассуждениях применимо к нему. И, соглашаясь с некоторыми нюансами точки зрения В.И. Плотникова, мы всё же не станем резко противопоставлять типологический метод, типологический подход и типологию. Важнейшим понятием в этом подходе, или методе является понятие типа. В греческом языке, из которого взят термин «тип», слово τύπος имело шесть значений [4, с. 1654–1655], из которых было взято значение «форма или образец». Иными словами, в этом термине фиксируется значение общности, сходства, тождества. А.П. Огурцов перечисляет несколько вариантов типологии. Для нас наиболее приемлемым является тот, который был разработан и применён известным социологом М. Вебером и который получил название метода идеальных типов. Этим методом впоследствии пользовались В. Дильтей, предложивший свою типологию мировоззрений, и Г. Зиммель, разработавший типологию человеческой духовности. «Такой метод, – пишет М. Вебер, – может быть эвристическим, а для определения ценности явления даже необходимым. [...] Идеальный тип – не "гипотеза", он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез» [2, с. 389]. Это, конечно, относится к реальным феноменам. Приведём ещё одно высказывание Вебера. Идеальный тип, согласно ему, «создаётся посредством одностороннего *усиления одной* или *нескольких* точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих *единичных* явлений (в одном случае их может быть больше, в другом – меньше, а кое-где они вообще отсутствуют), которые соответствуют тем односторонне вычлененным точкам зрения и складываются в единый мысленный образ. В реальной действительности такой *мысленный* образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это – *утопия»* [2, с. 390]. Идеальный тип идеален и в смысле понятия «идеальное» (по-немецки Ideelle) и в смысле понятия «идеал» (по-немецки Ideal). Он идеален как противоположный реальному и идеален как соответствующий идеалу. В идеальном типе соединяются общие черты некоего класса феноменов или учений (как в нашем случае), «доведённые до их полного логического предела...» [2, с. 390]. Потому-то идеальный тип и способен задавать ориентиры для исследования реальных феноменов или учений.

Чем привлекателен типологический метод, или конкретнее – метод идеальных типов, для нашего исследования? Прежде всего, тем, что выявленные концепции власти могут быть сведены в несколько общих типов и подвергнуты анализу именно как типы. Эти типы будут более категоричными, чем любая из концепций, получившая в нём своё обобщение. Это достигается посредством доведения до логического предела того или тех моментов, которыми как раз и характеризуется тип. Охватываемые идеальным типом концепции власти могут быть ближе или дальше отстоять от него. Здесь важно то общее *основание*, на котором базируется данный тип. Поэтому применение данного метода не непременно предполагает обращение к конкретным философам и их учениям (в данном случае учений о власти), хотя то или другое может в большей или в меньшей степени представлять тот или иной конкретный тип.

Нельзя сказать, что типологический метод не применялся при анализе концепций власти. Очевидно, одним из первых его применил А. Кожев. В её основание он положил характер соотношения активной и пассивной, деятельной и страдательной сторон властного отношения. Использование типологического подхода – не редкость в современных философских исследовани-

ях, в том числе и в исследованиях феномена власти. Так, В. Г. Ледяев назвал первую главу первого раздела своей книги «Власть: концептуальный анализ» «Концепции власти: аналитический обзор» [6]. Он пишет, что типология и классификация концепций власти – занятие трудное в методологическом отношении, но, безусловно, необходимое. По его мнению, до начала Нового времени в истории западноевропейской философии никем не было дано понятийное определение феномена власти. Если А. Кожев находит теории власти у Платона, Аристотеля и у средневековых теологов, то В.Г. Ледяев отказывает им в этом. Даже деятели эпохи Ренессанса, по его мнению, не дали такого определения. Типология, которой придерживается В.Г. Ледяев, по-своему обоснована и потому правомерна. Но начинать отсчёт концепций власти от Т. Гоббса неправомерно. Да он и сам упоминает Платона и Аристотеля, а это значит, что необходимо было начинать как минимум с них, что как раз и делает А. Кожев. Кроме того, Ледяев проигнорировал многие концепции власти, сформировавшиеся после Гоббса, не отнеся их ни к какому типу. Нам представляется, что такие философы, как Гегель, Маркс, Ницше или Хайдеггер не заслуживают того, чтобы быть проигнорированными. Им также неоправданно проигнорирован выделенный А. Кожевом теологический тип теории власти. Он ограничился светскими теориями, сделав вид, что не существовало ни теологии, ни религиозной философии, а разработанные ими концепции власти не заслуживают внимания. Он, кроме того, упустил из виду, что существовали и существуют теории власти, которые не ограничивают сферу её действия социальной реальностью. Свою типологию концепций власти предложили А.А. Дегтярёв и Т.А. Алексеева. Если теперь сопоставить выделенные нами типологии, то можно прийти к следующему выводу. Наиболее уязвимыми можно считать те, что предложены В.Г Ледяевым и А.А. Дегтярёвым. Предложенная первым несостоятельна не потому, конечно, что заимствована у западных учёных, но потому, что, как мы отметили, довольно поверхностна. Она не учитывает многих теорий власти, выработанных в истории философии и не подпадающих ни под «секционную», ни под «несекционную». Предложенная вторым из названных авторов типология, как мы отметили выше, страдает нечёткостью, размытостью. Остаются типологии А. Кожева и Т.А. Алексеевой. А. Кожев писал свою монографию «Понятие Власти» в 1942 г. Ему на то время плохо были знакомы феноменологически-герменевтические концепции власти, выделенные Т.А. Алексеевой в отдельный тип. О существовании же постмодернистских концепций в то время даже и помыслить было невозможно.

Существенным недостатком типологии, предложенной А. Кожевом, является его уверенность в том, что выделенные им типы теорий власти соответствуют реальным типам власти, взятым в чистом виде, но в то же время фиксируют лишь четыре разных аспекта реального феномена власти. Такая трактовка не позволяет подвергать критике данные концепции иначе, чем упрекать их в односторонности, ибо, согласно ему, действительная власть – «четвероякая», содержащая в себе все четыре «чистых» типа в качестве своих неотъемлемых аспектов, следовательно, атрибутов. Но такая типология как концепций, так и форм власти отказывает в возможности иных типологий тех и других по иным основаниям.

На фоне рассмотренных типологий типология Т.А. Алексеевой выглядит наиболее основательной. Но и она не может быть признана полной и, следовательно, идеальной. В ней не нашёл отражения выделенный А. Кожевом теологический тип. Кроме того, данная типология очерчена границами Нового времени. И тут она также уступает типологии Кожева. Но, признавая, что ни одна из моделей власти не может быть принята как удовлетворительная, Т.А. Алексеева тем самым негласно утверждает, что необходима более адекватная типология.

Любая типология должна строиться не просто на сопоставлении различных феноменов или теорий, но на некотором едином основании, которое и позволяет выделять сходства и различия и соответственно группировать в типы. Надо сказать, кроме А. Кожева, почти никто из рассмотренных авторов не концептуализировал то основание, на котором он строил свою типологию. Искомая типология учений о власти не должна оставить данный тип вне своего охвата. В основу предлагаемой нами типологии учений о власти кладётся трактовка бытийственного статуса феномена власти. В соответствии с данным основанием все концепции власти можно объединить в два больших типа. Первый тип охватывает те концепции, в которых власть толкуется как универсально-онтологический феномен, то есть как феномен, не ограниченный рамками общественного бытия, социокультурной

действительности. Ко второму типу относятся все те концепции, которые трактуют власть как исключительно феномен общественный, или социокультурный. Каждый из этих больших типов содержит в себе подтипы.

Концепции вышеназванного типа суть двоякие, т.е. в этом типе можно выделить два основных подтипа. К первому подтипу следует отнести те из них, которые изображают и концептуализируют феномен власти, во-первых, как сакральный, во-вторых, как принадлежащий некоему трансцендентному по отношению к миру и человеческому обществу Сверхначалу. К нему относятся, прежде всего, теологические концепции, а во вторую очередь – так называемые религиозно-философские учения, стремящиеся средствами философии обосновать трансцендентную сакральную власть. Ко второму подтипу относятся те концепции власти, которые либо базируются на атеизме, либо же просто игнорируют теологические и религиозно-философские концепции власти. В концепциях власти, трактующих последнюю как исключительно социокультурный феномен, можно выделить следующие два подтипа: во-первых, истолковывающие власть как феномен тотальный, присутствующий во всех сферах общества, во-вторых, те (и их большинство), в которых власть есть лишь один из множества иных социокультурных феноменов. Нам представляется, что именно данная типология является оптимальной, не позволяющей потерять исследовательскую нить среди множества концепций с их сходствами и различиями, с подчас незначительными нюансами.

1. Батищев Г. Критика в научном познании [Текст] / Г. Батищев // Философская энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 92.

2. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания [Текст] / М. Вебер // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 389.

3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х т. Т. 1. Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. М.: Мысль, 1974. С. 413.

4. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь в 2-х т. Т. II. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. С. 1654–1655.

5. Елеманова А.М. Власть как философская проблема. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.02. / А. М. Елеманова. ИФ НАН РК. Алматы, 1994. 148 с.

6. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ [Текст] / В.Г. Ледяев. М.: РОССПЭН, 2001.

7. Огурцов А.П. Типология [Текст] / А.П. Огурцов // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. IV. М.: Мысль, 2001. С. 70.

8. Плотников В.И. Типологический подход [Текст] / В.И. Плотников // Современный философский словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. С. 930.

9. Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность [Текст] / П.А. Сапронов. СПб.: «Церковь и культура», 2001. 815 с.

10. Халипов В.Ф. Кратология – наука о власти. Концепция [Текст] / В.Ф. Халипов. М.: Экономика, 2002. 367 с.

11. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом [Текст]/ Ф. Энгельс. – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 84.

12. Энгельс, Ф. Материалы к «Анти-Дюрингу» [Текст] / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 634–635.

13. Энгельс, Ф. Карл Маркс: «К критике политической экономии». Первый выпуск, Берлин, Франц Дункер, 1859 [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 497.